

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №4, Том 13 / 2022, No 4, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/63SCSK422.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Снежко, Г. Е. Время как инструмент социогуманитарного знания / Г. Е. Снежко // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/63SCSK422.pdf>

For citation:

Snezhko G.E. Time as a tool of socio-humanitarian knowledge. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022; 13(4): 63SCSK422. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/63SCSK422.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316.7

Снежко Галина Евгеньевна

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
Доцент кафедры «Общей и клинической психологии»

Кандидат социологических наук

E-mail: nova@161.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-0691>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1025756

Время как инструмент социогуманитарного знания

Аннотация. В статье анализируются возможности применения времени как способа измерения изменений объектов социогуманитарного знания. Для использования этого метода каждый раз исследователь обязан определять, что именно может быть измерено и что выступит в качестве единицы измерения. Если в качестве единицы избираются внешние для исследуемых объектов единицы астрономического времени, мы имеем дело с количественным подходом. Если же в качестве единиц избираются содержательно-смысловые характеристики изучаемых объектов, время используется в его качественном варианте. Показано, что совмещение этих двух подходов осуществляется в хронокартографировании.

Ключевые слова: время; хронокарта; биографический метод; бюджет времени

Современное состояние социогуманитарного знания характеризуется широким набором инструментов и подходов, позволяющих достигать поставленные исследовательские цели и получать более или менее достоверные научные результаты. При этом сам процесс развития наук характеризуется двумя взаимно противоположными направлениями: с одной стороны, происходит дифференциация научного знания: например, отпочковываются и выкристаллизовываются новые научные дисциплины (так возникла, например, генетика). С другой стороны, осуществляется интеграция, выражающаяся не только в формировании «гибридных» научных дисциплин (например, когнитологии, интегрирующей такие области знания, как философия, логика, нейрофизиология, культурология, лингвистика, психология или урбанистики, находящейся на стыке архитектуры, социологии, географии, экологии, экономики и государственного управления), но и в использовании методов одной в исследовательских полях других наук. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается на примере анкетного опроса — традиционного социологического метода исследования, который сегодня применяется не только в социологии, но и в культурной антропологии, психологии, политологии, экономической теории. Мы поставили перед собой цель проследить

эвристические возможности еще одного метода исследования, зарекомендовавшего себя сначала даже не в науке, а в обыденной жизни, затем в естественнонаучном знании, далее — в экономических и психологических исследованиях, а позже нашедшего применение в тех областях социогуманитарного знания, объекты исследования которых изменяются, то есть почти во всех. Мы имеем в виду время как способ измерения изменений.

Действительно, начало использования времени как инструмента измерения началось ещё в древних культурах, когда с помощью времени измерялась длина пути («числом дней плавания на корабле или движения по суше» [1, с. 91]). При этом мифологическое понимание мира включало в себя осознание неоднородности времени, которое состояло из обыденного и сакрального времён [1, с. 92]. Вплетённость времени в жизнь людей предопределяло невозможность разделить его на одинаковые единицы, поэтому длительность описываемых в мифе событий была неопределённой. Но в целом специализация времени реализовывалась стихийно и в основном неосознанно. Только в философии впервые началась работа по осмыслению возможностей времени как средства познания.

Истоки представления о времени как способе измерения изменений мы находим уже у Аристотеля, который осознал, что время — это не только мера движения (движение — частный случай изменения), но и мера измерения: время есть некоторое «число движения по отношению к предыдущему и последующему» [2, 219b, с. 149]; «...время есть мера движения...» [2, 221a, с. 152]; «...находиться во времени — значит измеряться временем, а время есть мера движения и покоя» [2, 221b, 20–25, с. 153]. При этом не только движение измеряется временем, но и время движением вследствие их взаимного определения, «...ибо время определяет движение, будучи его числом, а движение — время» [2, 220b, 16–17, с. 151]. Но признание этой способности времени — быть мерой измерения — требует от исследователя следующего шага: определения того, что именно может быть измерено и что выступит в качестве единицы измерения.

Если понимать время не с субстанциальных, а с реляционных позиций, то есть рассматривать его не как особую самодовлеющую сущность, а как форму отношений между длительностями различных процессов, то становится очевидным, что время является важным параметром социальной жизни. Так рождается понимание существования социального времени. Но следует различать свойства и функции социального времени и свойства времени, превращающие его в инструмент анализа социальной жизни.

В социогуманитарном знании мы достаточно часто встречаемся с использованием временных понятий, а также с метафорами времени. К понятиям, выражающим «течение» времени, относятся такие, как «эпоха», «века», «эра», «последовательность», «цикл» и даже «скорость». Так, музыковеды, анализируя исполнительское искусство Серебряного века, — искусство, звуковые шедевры которого в основном утрачены и лишь немногие сохранены в грамзаписях, вынуждены обращаться к словесным описаниям интерпретаторских музыкальных прочтений данного периода, в том числе к музыкально-критическим статьям, ценность которых тем выше, чем быстрее в них был дан отклик на исполнение конкретного произведения: «Общеизвестны непрочность, хрупкость впечатлений от художественных образов исполнительского искусства. Детали исполнения легко сглаживаются в памяти... Тем важнее, тем необходимее быстрота критического отклика на различные явления музыкального исполнительства. Такая быстрота — одна из важнейших гарантий достоверности и точности суждений...» [3, с. 7].

Систематизация этапов развития осуществляется в тех науках, объект исследования которых развивается. Но эта систематизация может осуществляться с помощью внешнего для событий времени — календарного времени, а может — с помощью соотнесения со значением, со смыслом происходящих изменений относительно всей целостности и с использованием не

количественных, а качественных характеристик времени системы. Так, в исторических исследованиях время предстаёт в виде хронологической шкалы, с помощью которой осуществляется упорядочивание исторических событий друг относительно друга. «Историческое событие привязывается не только к уникальной точке на хронологической шкале, но и имеет однозначную пространственную локализацию» [4].

Следует отметить, что само по себе хронологическое описание ещё не гарантирует использование времени как инструмента измерения происходящих изменений. Прежде всего потому, что любая хронология базируется на календарном времени, на привязывании исторического события к определённому году, а последний, в свою очередь, есть точка в летоисчислении, соотносимая с движением астрономических тел, не имеющих отношения к человеческой истории, поскольку небесные тела существуют вне зависимости от человечества. Если же хронология есть определение места события в ряду других событий, то это определение базируется на содержательном анализе, который на определённом этапе рассуждений может «пренебречь» длительностью отдельных исторических событий или указывать её весьма приблизительно. В качестве примера можно назвать Столетнюю войну, которая, как известно, длилась более ста лет.

Хронологическая система предполагает установление некоей точки начала отсчёта времени, что помещает каждое событие в определённое место временной шкалы. Вне этого определения «отношения предшествующего и последующего» [5, с. 318] история была бы обречена на размывание. В этом и состоит важнейшая функция времени в историческом познании. Эта организация свидетельств о прошлом в историческом познании дала основание для вывода И.М. Савельевой и А.В. Полетаева о том, что время выполняет в нём несколько функций: «обеспечение социальной памяти, организация прошлого, его реконструкция и интерпретация» [6, с. 139].

Когда различие событий прошлого происходит не на основе календарного времени, а на основе определения их смысла и значения, и рождается историческое время. Другими словами, историческое время надстраивается над календарным и хронологическим, поскольку создаётся оно «понимаемым единством», «единством содержания», а не формы: «...понимание становится полным, вбирая в себя всю целостность осуществлённых содержаний. Но эта упорядоченная для понимания целостность имеет для каждой своей части только *одно* место, что налагает запрет на все перемещения в нашей фантазии. ... Можно сказать, что историческим является событие, когда по предметным, совершенно *безразличным ко времени* (выделено авт.) основаниям оно однозначно фиксируется в одном временном пункте» [7, с. 521].

Таким образом, рождение исторического времени — это не просто датировка исторических событий во временном, хронологическом ряду, а установление исторически имманентных временных критериев, которые позволяют выявить необходимые, внутренние связи между историческими событиями. В качестве таких критериев могут выступать поворотные моменты истории, особо значимые события, превращающиеся в события-символы (напр., взятие Бастилии, залп «Авроры» и т. п.); эпохальные события, вехи, выражающие, олицетворяющие сущность целой эпохи; сами эпохи. В любом случае, из потока времени вычлняются его качественные отрезки (эпохи, периоды и т. п.), служащие в дальнейшем единицами измерения — единицами, которые в календарном плане могут быть неравными.

Совсем другое дело осуществляется, когда время используется в своём первоначальном значении: как форма, совокупность абстрактных единиц, сопоставимых по длительности временных отрезков, с помощью которых можно вычислить деление содержательных процессов. Такой подход реализовался в индустриальном обществе, когда время превратилось в меру труда и в меру измерения стоимости. Конвейерное производство, направленное на

повышение производительности труда, а тем самым предполагающее достижение максимальной его эффективности, построено на разделении процесса производства на простейшие короткие операции. Следовательно, дисциплина времени, учёт минут и даже секунд — его основное правило. Дисциплина рабочего времени становилась всё более жёсткой, а важность времени возрастала не только из-за потребности синхронизировать разные стадии трудового процесса, но и в связи с тем, что труд наёмных рабочих оплачивался по времени.

Другими словами, время как форма используется в процедурах измерения длительностей и отношений между ними, а приписывание времени содержательного значения (историческое, социальное, биологическое и т. д.) позволяет измерять изменения процессов с помощью имманентных ему самому единиц. Сказанное в полной мере относится к измерению человеческой жизни и человеческого поведения.

Человеческую жизнь можно измерять с помощью календарного времени — это чисто количественный способ. Но можно с помощью значимых моментов, выбираемых самим информантом, начиная с того, что он помнит после рождения, например, случай во дворе, первую обиду или радость, поступление в школу или в институт, победы в соревнованиях и конкурсах, вступление в брак, рождение собственных детей, кульминации в карьере. Другими словами, мы обращаемся к качественным методам, применяемым в социологии: биографическому, а также к устной истории (Oral history) и истории отдельного случая.

Помимо фиксации важнейших событий в жизни информанта, биографический метод обращается к анализу конкретных условий его жизни (среды, обстоятельств и т. п.). Эти значимые моменты жизни выбираются и описываются самим информантом, что, конечно, снижает степень достоверности получаемой информации, а реконструкция его жизненных ситуаций может сводиться к одному или нескольким случаям, что сближает этот метод с методом истории отдельного случая (Case study). Единицей анализа в данном методе становится любое описываемое событие, длительность которого уже не важна ни сама по себе, ни по отношению ко времени жизни в целом. Таким образом, время как инструмент количественного анализа «растворяется», уступая место смыслу. При этом время как инструмент качественного анализа сохраняется путём использования таких понятий, как, например, «поколение». Так, В. Радаев рассматривает анализ межпоколенческой динамики как «один из способов изучения социальных изменений» [8, с. 31]. Он показывает, что возраст (т. е. количественный параметр) не может быть достаточной характеристикой поколения в социологическом смысле. Здесь необходим историко-культурный подход, «где под поколением понимается не просто возрастная когорта (например, люди, родившиеся в 1986–1990 или в 1991–1995 гг.), но в первую очередь группа людей, совместно переживших какие-то важные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения» [8, с. 33]. Поэтому В. Радаев и предлагает разграничивать поколения не по годам рождения, «а по периодам, когда представители того или иного поколения вступают во взрослую жизнь» [8, с. 37].

Анализ поколенческих сдвигов включает в себя ещё одну темпоральную характеристику: цикличность. Так, Хоув и Штраус выделяли цикл длиной в 80 лет. Циклические представления древних оказались востребованы практически на всех этапах человеческой истории — от идеи Платона о вечном круговороте форм власти до цивилизационных построений Н.Я. Данилевского [9, с. 608], О. Шпенглера [10, с. 663] и А. Тойнби [11]. Однако представления о цикличности зачастую не выдерживают строгой теоретической и эмпирической проверки.

Убедительный анализ В. Радаева различий между поколениями х, у, z всколыхнул интерес академической общественности к проблематике поколенческих сдвигов. И одновременно явились импульсом к возрождению интереса к проблематике социального

времени. Однако в журнальных публикациях чаще преобладают исследования природы и характеристик социального времени, а не времени как инструмента анализа. Нас же в данном случае интересует время не как объект, а как средство исследования.

Особый пласт исследований, в которых время выступает не только объектом, но и инструментом анализа, составляют исследования особенностей темпорального сознания представителей разных культур и эпох (здесь используются понятия «формы времени», «временные представления», «образы времени»). Наиболее полным эмпирическим исследованием, в котором представлены результаты разного отношения ко времени представителей разных культур из более чем шестидесяти стран, является книга эксперта по международным коммуникациям Ричарда Д. Льюиса «Столкновение культур» [12]. Практикоориентированный характер этой работы, направленной на учёт культурного капитала нескольких тысяч работников современных международных организаций, включает в себя наряду с выявлением ценностей, типов реакций, коммуникативных паттернов, ожиданий членов международных команд, и особенности их ориентаций во времени отношение ко времени, восприятие времени.

Для выявления эвристических возможностей времени как инструмента познания в социологии необходимо отличать изучение процесса формирования представлений о времени у действующих субъектов и влияния этих представлений на их поведение от реально складывающегося в каждом конкретном обществе и у каждого отдельного человека распределения видов деятельности во времени. Другими словами, особенности темпорального сознания (образы и представления о времени, ориентации на различные модусы времени) и осуществляющееся в реальности соотношение между разными видами активности действующих субъектов взаимосвязаны, но не предопределены однозначно. Тем более важно проследить действительное распределение времени на разные виды занятий, другими словами, исследовать бюджет времени.

Традиция исследования бюджетов времени в нашей стране, заложенная ещё статистическими земскими обследованиями в конце XIX — начале XX вв., а затем продолженная рядом отечественных исследователей [13]¹, опиралась на философский, теоретический анализ социального времени. В практической же жизни всё более востребованными становились разработки тайм-менеджмента [14]. То, что книга Г.А. Архангельского, посвященная управлению собственным временем, к 2011 году выдержала пятнадцать изданий, свидетельствует о большой востребованности этой проблематики у широкого круга читателей.

Исследования бюджета времени строятся на основе хронокартографирования, которое совмещает в себе две процедуры: картографирование и измерение времени. Метод хронокартографирования называют также самофотографированием, совмещающим самонаблюдение и фиксацию длительности времени, затрачиваемого на конкретный вид занятий. Нам представляется, что именно метод хронокартографирования является тем способом, в котором совмещается качественный и количественный подход к социальному времени.

¹ П.А. Амбарова. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей в условиях перехода к нелинейному социальному времени: управленческий подход. Дисс. на соискание уч. степени доктора социол. наук. Специальность 22.00.08. — социология управления. Н. Новгород, 2016. 395 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Изд-во «Искусство», 1972. 318 с.
2. Аристотель. Физика. Книга IV // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 3. М.: Изд-во «Мысль», 1981. 613 с.
3. Кремлев Ю.А. В.П. Коломийцов (1868–1936) // Коломийцов В. Статьи и письма. Л.: Музыка, 1971. С. 3–8.
4. Герасимов Г.И. Историческое время // Философия и культура. 2018. № 4. С. 28–38. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.4.24924 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24924 (дата обращения: 08.02.2019).
5. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // К. Леви-Стросс Первобытное мышление / Пер. с фр. М.: Республика, 1994. С. 111–336.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: «Языки русской культуры», 1997. 800 с.
7. Зиммель Г. Проблема исторического времени // Г. Зиммель. Избранное. В 2-х т. / Пер. с нем. М.: Юрист, 1996. Т. 1. С. 517–529.
8. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Академический Проект, 2015. 608 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 / пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 663 с.
11. Тойнби А. Постижение истории: сборник / пер. с англ. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
12. Льюис Д. Ричард. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер; Альпина Паблишер, 2013. 640 с.
13. Артемов В.А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920–1930-х гг. // Социологический журнал. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskie-aspekty-vremeni-v-otechestvennyh-nauchnyh-rabotah-1920-1930-h-gg/viewer> (дата обращения: 07.05.2019).
14. Рехтшафен С. Мастерская времени / пер. с англ. К.: «София», Ltd, 1997. 288 с.
15. Архангельский Г.А. Тайм-драйв: Как успевать жить и работать. 15-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 272 с.

Snezhko Galina Evgen'evna

«Rostov State Medical University» Ministry of Health of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: nova@161.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-0691>

RSCI: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=1025756

Time as a tool of socio-humanitarian knowledge

Abstract. The article analyzes the possibilities of using time as a way to measure changes in the objects of socio-humanitarian knowledge. To use this method, each time the researcher must determine what exactly can be measured and what will act as a unit of measurement. If units of astronomical time external to the objects under study are chosen as the unit, we are dealing with a quantitative approach. If the content-semantic characteristics of the studied objects are chosen as units, time is used in its qualitative version. It is shown that the combination of these two approaches is carried out in chronocartography.

Keywords: time; chronocard; biographical method; time budget